

«Годжо Хара виртуозно играл на алчности верхушки Главного совета магов. Стоило Яге Масамити последовать его советам, как вместо косых взглядов и попыток прибрать к рукам его исследования он получил щедрое финансирование. Старейшины внутри самого Совета тут же раскололись на группировки: каждый пытался переманить Масамити на свою сторону, надеясь урвать кусок пожирнее, едва тот отыщет способ массово создавать автономные проклятые трупы. И уже тогда ему фактически гарантировали пост директора Токийского магического колледжа».

Зрители в зале замерли в изумлении. Годжо Хара мимоходом, буквально парой фраз, не только избавил Ягу от смертельной опасности, но и обвёл Главный совет магов вокруг пальца, заставив этих властолюбивых стариков плясать под свою дудку.

Особенно сильное потрясение испытал директор Яга из второго зала. В своё время, когда тайна Панды раскрылась, Главный совет магов подверг его жестокому допросу. Если бы не вмешательство Сатору-сенсея, который попросту пригрозил старейшинам расправой, Масамити, наотрез отказавшегося выдать секрет создания живых кукол, наверняка приговорили бы к казни.

Но даже под защитой сильнейшего Яга понимал: случись что с Сатору — и Главный совет магов снова вцепится ему в горло. Конечно, саму мысль о том, что Сатору может исчезнуть, директор даже не допускал. И всё же, глядя, как его двойник из параллельного мира изящно обвёл интриганов вокруг пальца — причём сам, без чьего-либо покровительства, — он невольно застыл в немом изумлении: «Неужели так действительно можно было?»

В этот момент Масамити вынужден был признать: ум у Годжо Хары работал феноменально.

Директор искоса взглянул на сидевшего неподалёку Сатору.

«Вскоре после дня рождения Гэто Сугуру стартовало ежегодное Межшкольное соревнование сестринских школ. В Киотском магическом колледже близнецы Годжо столкнулись с крашеным блондином Дзэньином Наоей. Стычка закончилась тем, что Наоя, насмерть перепуганный, вообще отказался выходить на арену. Потеряв единственную цель, которую они планировали хорошенько отколотить, Хара и Сатору мигом утратили интерес к турниру — избивать остальных слабаков им казалось делом скучным.

Их отказ превратил соревнование в бенефис Гэто Сугуру.

Едва турнир завершился, старейшины Главного совета магов наперебой кинулись продвигать Сугуру на ранг мага особого ранга. На экране замелькали кадры: посланники от разных фракций Совета пытаются переманить юношу на свою сторону. А Сугуру... Сугуру виртуозно разыгрывал карту уязвлённого самолюбия. Он искусно притворялся, будто дружба с близнецами Годжо — лишь фасад, а в душе он исходил завистью к их древнему роду и незаслуженным привилегиям. Это шоу рассеяло любые подозрения стариков. На все предложения Сугуру отвечал туманно, обещал подумать и невзначай намекал, что конкуренты сулят куда более заманчивые перспективы.

В итоге Гэто сгребал все подношения и взятки под чистую, но твёрдого согласия никому не давал. Одураченные фракции полагали, что просто раззадорили аппетиты будущего мага особого ранга своим соперничеством.

На деле же за спиной Сугуру стоял Годжо Хара, планомерно обдиравший старейшин до нитки. Гнилые мандарины даже не догадывались, что их водят за нос. Они предвкушали, как получат в своё распоряжение сильнейшего мага, способного противостоять двум Шестиглазым, наивно забывая, что вся эта троица изначально играла в одной команде».

Во втором зале Годжо-сенсей картинно всплеснул руками:

— Какая блестящая схема! Почему нам это тогда в голову не пришло? Сугуру-у-у, тебя ведь после поступления эти гнилые мандарины тоже окучивали? Ну почему ты не мог просто развести их на деньги, как твой двойник?

Гэто-кун спокойно парировал:

— Может, потому, что у меня за спиной не стоял Годжо Хара со своими гениальными планами?

Сатору сощурился, пристально вглядываясь в лицо друга:

— Мне кажется, или в твоём голосе сквозит неприкрытый намёк?

На губах Сугуру заиграла вежливая, насквозь фальшивая улыбка:

— Тебе кажется.

«Как только Фусигуро Тодзи перешёл на службу к Годжо Харе, первым же его заданием стало расследование дела о награде за голову Сатору на чёрном рынке. Тодзи потребовалось немало времени, чтобы раскопать имена всех заказчиков. Сумма была астрономической, и собрать её в одиночку никто бы не смог — в складчину вложились десятки заинтересованных лиц.

Сам Хара к покушениям на собственную жизнь относился равнодушно, но за младшего брата готов был порвать любого. Стоило Тодзи принести поимённый список, как Хара без малейших колебаний отдал приказ зачистить всех причастных. Никакой пощады.

Позже, когда на самого Хару совершила покушение женщина со шрамами на голове, он быстро выяснил, что данные о его миссии утекли из архивов Главного совета магов. И эти предатели закончили точно так же — тихо исчезли благодаря безупречной работе Тодзи».

Откровения, хлынувшие с экрана, заставили многих в первом зале побледнеть.

— Так те загадочные смерти старейшин... это всё его рук дело?.. — сорвалось с губ какого-то мага из клана Дзэньин, но он тут же испуганно прикусил язык.

Сейчас, когда весь мир магов беспрекословно подчинялся воле близнецов Годжо, глупо было качать права. Какая разница, что Хара когда-то натравил Небесного тирана на прежнее руководство Главного совета магов? Неужели кто-то в здравом уме станет обвинять нового правителя в жестокости из-за гибели чиновников старого режима? Самоубийц среди присутствующих не нашлось. В зале повисло гнетущее молчание, но страх и трепет перед фигурой Годжо Хары укоренились в душах присутствующих ещё глубже.

В конце концов, Сатору всегда предпочитал действовать в открытую, выкладывая карты на стол. Но Хара... Хара убирал врагов без шума и пыли, действуя чужими руками. Такой сильнейший пугал куда сильнее. Коварный, безжалостный стратег, не прощающий ошибок.

Яга Масамити потрясённо уставился на Годжо Хару:

— Хара... ты...

Он и представить не мог, что за целой чередой громких нераскрытых убийств высокопоставленных чиновников стоял этот юноша.

— Они получили то, что заслужили, — равнодушно отозвался Хара. — У меня не было ни времени, ни желания годами собирать на них компромат и играть по их правилам. Физическое устранение — самый эффективный метод.

Да и как иначе расчистить места для своих людей? Гнилые мандарины добровольно кресла не покидают, так что Харе пришлось заняться санитарной чисткой рядов, чтобы ускорить ротацию кадров.

Во втором зале Годжо Сатору замер, чувствуя, как перед ним распахиваются двери в совершенно дивный новый мир.

«Оказывается, с этими старыми хрычами можно было разобраться вот так просто?»

Раньше он всегда сдерживал себя. Боялся, что на смену одним гнилым мандаринам придут другие, ещё хуже. Опасался, что если начнёт карать их без законных оснований, его нарекут тираном, и тогда о мирных реформах в мире магов можно забыть — никто не пойдёт за безумным диктатором. Мысль о тайных убийствах чужими руками ему даже в голову не приходила.

Сатору повернулся к параллельной версии своего брата и с искренним любопытством спросил:

— Слушай, а смысл их резать? Ведь на место мёртвых стариков придут точно такие же гнилые

мандарины. И разве ты не боялся, что если правда всплывёт, тебя начнут панически бояться?

Хара удивлённо приподнял бровь:

— С чего бы ей всплыть? У Фусигуро Тодзи нулевой уровень проклятой энергии, он не оставляет никаких следов. К тому же все знают его как наёмника, работающего чисто за деньги. Даже если возникнут подозрения, связать заказ со мной невозможно. Но даже если кто-то и догадается — что с того? У них есть доказательства? Любые беспочвенные обвинения в мой адрес — это клевета, которая лишь даёт мне повод закрутить гайки ещё туже. Они и пикнуть не посмеют.

Хара презрительно усмехнулся, всем своим видом показывая ничтожность этих старейшин:

— Пока я не казню их демонстративно посреди улицы, никто не посмеет объявить меня убийцей. А насчёт новых гнилых мандаринов... Я ведь не просто освобождаю места, а продвигаю на них преданных лично мне людей, которых готовил заранее.

— Твои ставленники? — озадаченно спросил Сатору. — Но если они молоды, разве у них хватит веса удержать власть?

Хара окинул его скептическим взглядом:

— Ты ведь сейчас не о своих учениках говоришь, правда?

Неужели этот Годжо из другого мира столь же наивен, как и его собственный брат, и верит, что кучка неопытных подростков сможет изменить прогнившую систему изнутри?

Однако Сатору даже не уловил скрытого скепсиса в вопросе. Вместо этого он горделиво расплылся в улыбке:

— А то как же! Мои ребята — замечательные дети, у них огромный потенциал!

Хара лишь покачал головой, теряя дар речи:

— Твои ученики слишком зелены. Им ни за что не переиграть прожжённых политиканов Главного совета магов. Действовать нужно тоньше. Выбираешь среди заместителей и амбициозных подчинённых тех самых старейшин подходящих кандидатов. Связываешь их нерушимым клятвенным Обетом на верность, а затем убираешь их начальников и сажаешь марионеток в освободившиеся кресла. Это гарантирует абсолютное послушание и экономит годы на обучение кадров. Зачем пренебрегать столь удобным инструментом, как Обет? И какая разница, насколько гнилым будет новый чиновник? Главное — чтобы он беспрекословно исполнял приказы.

Хара искренне не понимал идеализма Сатору. Ему было глубоко плевать на моральный облик гнилых мандаринов — куда важнее их покорность. В конце концов, если старый чинуша упирается, всегда можно применить силу и силой заставить его принести нерушимый Обет.

Сатору на мгновение лишился дара речи.

«Связать их Обетом... Почему я раньше до этого не додумался?»

Перед ним не просто открылась дверь — рухнула стена, обнажая невероятно простые и эффективные методы контроля. Сатору твёрдо решил: как только показ закончится и он вернётся в свой мир, он займётся этим вопросом лично. Пора раз и навсегда отбить у старейшин охоту покушаться на его учеников.

«Время шло. Хара и его сверстники перешли на второй курс. Ряды студентов пополнили двое первокурсников. Один из них, простодушный Хайбара Ю, с ходу восторженно защебетал о том, какие у Хары и Сатору замечательные братские отношения. Этого хватило, чтобы мгновенно завоевать расположение старшего близнеца. Ю тут же сделался его любимчиком.

В отношении к младшим товарищам Хара демонстрировал неприкрытые двойные стандарты. Хайбару он осыпал заботой, терпеливо разъяснял тонкости проклятых техник и давал ценные советы, тогда как Нанами Кэнто удостаивался лишь вежливого, холодного кивка.

Сам Ю, напоминавший весёлое и ласковое солнце, искренне благодарил старшего за помощь. Интуитивно нащупав слабость Хары, первокурсник без устали расхваливал Сатору и восхищался их нерушимой связью. Хара так млел от этой лести, что баловал любимого протеже ещё больше».

В первом зале Хайбара Ю жизнерадостно рассмеялся:

— Так вот почему Хара-семпай всегда был так добр ко мне!

Нанами Кэнто одарил друга многострадальным взглядом:

— Ты только сейчас это понял?

Он-то давно раскусил мотивы старшего Годжо. Хара, при всей своей кажущейся надёжности и рассудительности, оставался неизлечимым, маниакальным братофилом. Хайбара просто по чистой случайности нажал на нужную кнопку в его голове, за что и получал всевозможные поправки.

Во втором зале Нанами Кэнто с глухой тоской всматривался в черты давно погибшего друга на экране. И вдруг пространство рядом с ним дрогнуло. На соседнем сиденье проступил полупрозрачный, призрачный силуэт.

Ошарашенный внезапным перемещением Хайбара Ю завертел головой, но едва заведя знакомое лицо, расплылся в своей фирменной широкой улыбке:

— Кэнто!

Нанами оцепенел, не веря собственным глазам:

— Ю... Давно не виделись.

Услышав их голоса, сидевший впереди Гэто Сугуру резко обернулся. При виде лица юноши, чья смерть когда-то окончательно столкнула его в бездну безумия, у него перехватило дыхание. Горло сдавило спазмом, и бывший монах лишь тихо, надтреснуто вздохнул, не в силах вымолвить ни слова.

«Вскоре Яга Масамити поручил Годжо Харе срочную зарубежную миссию — отправиться в Америку и изгнать объявившееся там проклятие особого ранга.

Однако стоило старшему близнецу покинуть пределы Японии, как Сатору и Сугуру получили приказ государственной важности: сопроводить Сосуд звёздной силы для последующего слияния с Тэнгэном».

Когда на экране Яга Масамити изложил суть миссии, связанной с Аманай Рико, по залу прокатился ропот возмущения.

— Это же чистое человеческое жертвоприношение! — поражённо воскликнул Фуруя Рэй. — В каком веке мы живём, чтобы мир магов среди бела дня отправлял на убой молодую девушку?!

Теперь ему стало окончательно ясно, почему Хара с братом звали старейшин гнилыми мандаринами. Эта система прогнила до самого основания. Обречь невинную девочку на смерть, да ещё и заставить двух подростков конвоировать её к алтарю — верх цинизма.

Морофуси Хиромицу нахмурился, анализируя хронологию событий:

— Слишком подозрительное совпадение. Стоило Харе-куну улететь, как Сатору и Сугуру поручили это задание. Похоже, старшего Годжо умышленно убрали со сцены.

— Ты прав, Хиромицу, — подал голос Годжо Хара. — Меня действительно увели в сторону. Кукловод отчаянно жаждал сорвать слияние Тэнгэна с Сосудом.

Гэто Сугуру наморщил лоб, силясь сопоставить факты:

— Но как же сам Тэнгэн? Говорят, внутри своего Барьера Тэнгэна он всеведущ и всемогущ. Разве он мог не знать, что Кэндзяку спланировал твой отъезд? Почему он безропотно позволил манипулировать собой?

— Скорее всего, Тэнгэн и сам не горел желанием сливаться с девчонкой, — спокойно ответил Хара. — Просидеть тысячу лет в Звёздном дворце — сомнительное удовольствие, мало чем отличающееся от пожизненного заключения. К тому же Рико была не единственным кандидатом. Существовали и другие резервные Сосуды звёздной силы, но Тэнгэн даже не попытался инициировать слияние с ними. Его проклятая техника бессмертия толкает разум к перерождению в нечто высшее. Возможно, тысячу лет назад он искренне согласился пожертвовать собой ради стабильности мира, но за века одиночества вполне мог раскаяться и возжелать свободы. Разумеется, Главный совет магов никогда не позволил бы ему отказаться от роли фундамента. Поэтому Тэнгэн вполне мог вести двойную игру, подыгрывая Кэндзяку, чтобы сорвать ритуал.

Именно из-за этих подозрений Хара после демонтажа Барьера Тэнгэна поспешил запечатать Тэнгэна, не допуская мысли о доверии к древнему существу. Кто знает, что творится в голове у этого тысячелетнего монстра? Не спятил ли он за века изоляции, превратившись в нечто глубоко чуждое людям?

Сугуру припомнил уродливый облик божества, который ему довелось лицезреть в поместье Хары, и брезгливо поморщился:

— И это — высшая ступень эволюции? Выглядит как обычный скользкий проклятый дух.

— Эволюция — процесс долгий и болезненный, — поправил его Хара. — То, что ты видел, лишь промежуточная, уродливая колыбель эволюции. Пока трансформация не завершится, никто не скажет, кем он станет в итоге.

Харе, который сам балансировал на грани перехода в качественно иную форму жизни и осознанно сдерживал собственный прогресс, эта тема была знакома не понаслышке.

Сугуру задумчиво кивнул. Значит, Тэнгэн не превращался в проклятие, он просто временно принял столь отталкивающий вид. Стало понятно, почему Кэндзяку зашевелился именно сейчас, не желая дожидаться, пока Хара и Сатору состарятся и умрут. Время поджимало, и упустить уникальный шанс Кэндзяку просто не мог.

Во втором зале Годжо Сатору и Гэто Сугуру, пережившие трагедию Аманаи Рико на собственной шкуре, застыли как громом поражённые.

«Тэнгэн не хотел слияния? И подыгрывал Кэндзяку?»

Ради чего тогда погибла Рико? Чего стоили их отчаянные попытки спасти её?

Особенно тяжело пришлось Сугуру. Смерть девочки легла тяжким камнем на его душу, став отправной точкой для раскола и его последующего падения. Он нёс это бремя годами. И теперь выясняется, что их жертва была бессмысленной, а древний покровитель просто разыгрывал свой фарс за их спинами.

Лицо Гэто потемнело от едва сдерживаемой ярости и глухой боли.

Сатору скользнул по нему взглядом и понял: друг снова проваливается в пучину самобичевания. Но как его утешить? Слов не находилось.

В параллельной вселенной Аманай осталась жива, и дела там шли куда лучше, хотя местный Сугуру всё равно, судя по всему, сорвался во тьму. Но чужое счастье не могло исправить их собственное изломанное прошлое.

Годжо молча поправил чёрную повязку, пряча Шесть глаз от окружающих, а вместе с ними — и бушевавшие в глубине души эмоции.

«Получив миссию по охране Сосуда, Сатору первым же делом набрал номер старшего брата. Сугуру ласково подначивал его, называя "братским сыночком", но Сатору лишь гордо скидывал подбородок:

— Да что ты понимаешь в семейных узах! Мы с братом — единое целое. Близнецы, делившие одну утробу. Я — это он, а он — это я!»

На экране разыгрывалась сцена невероятной нежности, и в реальном зале Годжо Хара растрогался до слёз. С тихим всхлипом он крепко сгреб Сатору в объятия:

— Сатору-у-у...

— Братишка! — с тем же пафосом отозвался Сатору, утыкаясь ему в плечо.

Близнецы увлечённо демонстрировали окружающим верх родственной привязанности, заставив сидевшего рядом Сугуру демонстративно отвернуться и изобразить рвотный позыв.

«В телефонном разговоре Сатору прямо заявил Харе, что намерен спасти девочку. Он хотел дать Рико шанс самой решить свою судьбу, вырваться из кандалов долга. Ему было неважно, что её всю жизнь пичкали бреднями о священном самопожертвовании и она могла отвергнуть его протянутую руку. Сатору просто следовал зову собственного сердца».

В первом зале настоящая Аманай Рико разрыдалась, утирая слёзы кулачками:

— Спасибо... Огромное вам спасибо...

Она и помыслить не могла, что ещё до их первой встречи Сатору принял решение дать ей свободу выбора.

Во втором зале Гэто Сугуру задумчиво смотрел на решительное лицо юного Сатору на экране. Память упрямо уносила его в прошлое, к их собственному разговору в тот роковой день.

Тогда Сатору держался легкомысленно, но в его словах звенела сталь: они защитят девочку, чего бы это ни стоило. Даже если придётся пойти войной на самого Тэнгэна. Они были молоды, безумно горды и верили, что их сила безгранична. «Мы сильнейшие» — эта мантра казалась нерушимой истиной, позволявшей смотреть на весь мир свысока.

Пока на их пути не встал Фусигуро Тодзи.

Тот сокрушительный удар разделил их пути. Сатору, пройдя сквозь горнило клинической смерти, переродился истинным божеством, превзойдя человеческие лимиты. А он, Сугуру, остался позади. Иллюзия равенства рассыпалась прахом, а вместе с ней пошатнулась и его вера в собственный путь...

«В это же время Фусигуро Тодзи, увлечённо размахивавший шваброй на кухне своего уютного дома, принял звонок на рабочий мобильный. Ему предлагали контракт на ликвидацию Сосуда звёздной силы.

Нынешний Тодзи, свивший тёплое семейное гнёздышко под крылом щедрого нанимателя, в деньгах не нуждался абсолютно. Домашний уют, любящая жена и сопящий в кроватке сын превратили сурового киллера в образцового домохозяина. Астрономическая сумма в пятьсот миллионов иен его даже не колыхнула. Напротив, звериное чутьё мгновенно уловило в предложении гнилой душок заговора.

Свернув разговор, Тодзи набрал Годжо Хару.

Выслушав доклад, Хара задумчиво постучал пальцами по столу. Слияние Рико с Тэнгэном нужно было сорвать в любом случае — Сатору этого не хотел, да и Ассоциация сосуда времени костями готова была лечь, лишь бы спасти Тэнгэна от "загрязнения" человеческой душой. План зрел мгновенно: разыграть спектакль с подставной смертью девчонки, забрав куш, а всю вину свалить на репутацию наёмника.

Тодзи ухмыльнулся. Вешать грехи на имя Дзэньина Тодзи? Да ради бога! Какое отношение этот призрак прошлого имеет к почтенному отцу семейства Фусигуро? Срубить на халяву полмиллиарда и уйти чистым — о лучшем раскладе и мечтать грех.

Хара пообещал, что личные данные Фусигуро останутся под надёжным замком, а безопасность его семьи он берёт под личный контроль.

Пользуясь моментом, Тодзи упомянул, что Мэгуми пора пристраивать в престижный детский сад, да и супруга заскучала дома и подумывает найти работу.

Хара барским жестом пообещал уладить обе проблемы за пару дней.

Довольный киллер отключился и тут же перезвонил Сатору, чтобы в деталях обсудить сценарий фальшивой ликвидации Аманаи Рико, за которую фанатики из Ассоциации сосуда времени выложат кругленькую сумму».

В первом зале глава клана Дзэннин Наобито сидел чернее тучи. На экране двое заговорщиков с самым деловым видом обсуждали, как ловко перенаправить всю волну гнева и мести от имени Дзэннина Тодзи на его бывший клан.

— Мы для него что, благотворительный фонд по приёму чужого дерьма? — беззвучно матерился Наобито. Да, в клане к обделённому проклятой энергией юноше относились паршиво, но вешать на них всех своих собак — это уже за гранью добра и зла! Теперь-то старик понял, почему в прошлые годы на членов его семьи то и дело нападали мутные типы с безумными криками мести. Оказывается, этот мерзавец просто развлекался, оставляя их визитную карточку на местах своих кровавых заказов.

Во втором зале Сатору и Сугуру взирали на экран с гаммой непередаваемых эмоций.

Видеть, как безжалостный Убийца магов и весёлый подросток Сатору заговорщически подмигивают друг другу, планируя обчистить карманы религиозных фанатиков, было выше их сил.

В их собственной реальности Тодзи едва не отправил их обоих на тот свет, а маленькая Рико захлебнулась собственной кровью на каменном полу Звёздного дворца. И этот контраст резал без ножа.

<http://bllate.org/book/19549/2004422>